

Содержание

Предисловие 9

ЧАСТЬ I ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА ВРЕМЕНИ

1
Как нам стать хорошими предками? 13

2
О зефире и желудях
Как два типа мышления уживаются в одной голове 30

ЧАСТЬ II ШЕСТЬ СПОСОБОВ МЫСЛИТЬ ДОЛГОСРОЧНО

3
Смирение перед глубинами времени
Краткий миг космической истории 55

4
Философия наследия
Как оставить хорошие воспоминания о себе? 76

5
Межпоколенческая справедливость
Зачем думать о седьмом поколении 92

6
Соборный менталитет
Искусство планирования далекого будущего 116

7

Холистическое прогнозирование

Пути долгосрочного развития цивилизации 142

8

Трансцендентная цель

Путеводная звезда человечества 168

ЧАСТЬ III

ПОДНИМЕМ ВОССТАНИЕ ВРЕМЕНИ!

9

Глубинная демократия

Противоядие от политической близорукости 197

10

Экологическая цивилизация

*Переход от спекулятивного капитализма
к регенеративной экономике* 234

11

Культурная эволюция

Сторителлинг, дизайн и виртуальное будущее 264

12

Путь хорошего предка 286

Приложение

Индекс межпоколенческой солидарности 295

Благодарности 299

Примечания 301

Список иллюстраций 334

Список литературы 335

Предисловие

Пандемия коронавируса COVID-19 поразила наш мир как раз в тот момент, когда эта книга готовилась к публикации. По понятным причинам внимание человечества переключилось на то, что происходит здесь и сейчас: семьи, сообщества, организации и правительства сосредоточились на безотлагательных мерах, чтобы остановить кризис. Казалось бы, в чем польза долгосрочного мышления, когда беда уже пришла?

Очевидно, что страны, которые заранее озаботились подготовкой к возможным пандемиям, пока более эффективно борются с коронавирусом: если на Тайване после вспышки атипичной пневмонии в 2003 г. были созданы механизмы оперативного тестирования и отслеживания вирусов, то в США в 2018 г., напротив, подразделение Совета национальной безопасности по пандемии было попросту расформировано. Пандемия явилась суровым напоминанием о том, что мы должны думать, планировать и составлять бюджеты с учетом рисков, просматривающихся лишь на горизонте, таких как климатический кризис и бесконтрольные разработки в сфере высоких технологий.

Понятно, что последствия пандемии коронавируса для человечества будут носить долгосрочный характер и заявлять о себе еще не одно десятилетие. Некоторые правительства могут попытаться сохранить чрезвычайные полномочия, которыми сами себя наделили, например усиленный контроль над гражданами, и, таким образом, подорвать возможности демократического развития. В то же время разрушительные последствия пандемии могут расчистить пространство для

фундаментального переосмысления политики, экономики и образа жизни. Подобно тому, как из пепла Второй мировой войны возникли долгосрочные новаторские институты — государства всеобщего благосостояния, Всемирная организация здравоохранения и т. п., — коронавирус способен усилить наше долгосрочное мышление, необходимое для того, чтобы справиться с недальновидностью и повысить устойчивость перед лицом неопределенного будущего.

Только мудрый выбор в пользу перспективы в это кризисное время позволит нам стать хорошими предками, которых заслуживают будущие поколения.

Оксфорд, март 2020 г.

ЧАСТЬ I

Перетягивание
каната времени

Как нам стать хорошими предками?

Мы — наследники даров прошлого. Только представьте себе, сколько всего нам оставили предки, те, кто 10 000 лет назад в Месопотамии сеял первые семена, кто расчищал земли, строил каналы, закладывал города, в которых мы живем, кто совершал научные открытия, выигрывал политические баталии и создавал величайшие произведения искусства, доставшиеся нам. Мы редко задумываемся о том, насколько преобразили этот мир жившие здесь до нас люди. За редким исключением их имена стали пеплом истории. Но имя Джонаса Солка мы еще помним.

В 1955 г. после 10 лет кропотливых экспериментов Солк и его команда разработали первую в мире эффективную и безопасную вакцину от полиомиелита. Это был настоящий прорыв. В то время полиомиелит убивал или оставлял парализованными более полумиллиона человек ежегодно. Весть об открытии Солка сразу принесла ему славу чудотворца. Но ни слава, ни богатство его не интересовали — он отказался патентовать вакцину. Все помыслы этого ученого были направлены на то, чтобы «помочь человечеству» сделать что-то действительно ценное для будущих поколений. И ему это удалось.

Свою жизненную философию Солк сформулировал в виде одного-единственного вопроса: «Хорошие ли мы предки?»¹. Он был уверен, что, унаследовав так много от прошлого, мы обязаны приумножить это наследие и передать его потомкам. Сделать это, по мысли Солка, — то есть противостоять

глобальным кризисам, таким как уничтожение природы и угроза ядерной войны, — можно, лишь радикально сдвинув горизонты нашего мышления в сторону долгосрочной перспективы, выходящей за рамки отпущенного нам срока. Вместо того чтобы мыслить секундами, днями и месяцами, мы должны охватывать десятилетия, века и тысячелетия. Только так можно выполнить наши обязательства перед грядущими поколениями и проявить к ним неподдельное уважение.

Вопрос, поставленный Солком, является, пожалуй, даже бóльшим его вкладом в историю, чем создание вакцины. Если придать ему более активную форму, а именно «*Как нам стать хорошими предками?*», то, на мой взгляд, он становится ключевым вопросом эпохи — хотя бы уже потому, что вселяет надежду на продолжение нашей эволюции. Этот вопрос послужил не только источником вдохновения, побудившего меня написать эту книгу, — он незримо присутствует на каждой ее странице и заставляет задуматься о том, что скажут о нас будущие поколения, какое наследие мы им оставим: прекрасный и дружелюбный мир или что-то ужасное. Сегодня уже недостаточно быть просто добрыми самаритянами. Время бросает нам вызов: сможем ли мы стать хорошими предками? Новое тысячелетие требует обновления подхода.

Колонизация будущего

Стать хорошими предками — задача не из легких. Наши шансы на успех определяются исходом борьбы, которая происходит в глобальном масштабе прямо сейчас. Это борьба за наш разум между двумя могущественными силами: краткосрочным и долгосрочным типами мышления.

Какая из этих сил доминирует в настоящий момент, не вызывает сомнений: мы живем в эпоху патологической недалекости. Политики разучились видеть дальше ближайших выборов, опроса общественного мнения или даже

твита. Компании стали рабами квартальных отчетов и жертвами непрекращающегося давления со стороны акционеров, которых не интересует ничего, кроме роста капитализации. Спекулятивные рынки под управлением миллисекундных алгоритмов надуваются и лопаются, словно мыльные пузыри. За столом глобальных переговоров каждая нация отстаивает собственные интересы, в то время как планета горит, а темпы исчезновения с лица земли биологических видов возрастают. Культура мгновенного результата заставляет нас увлекаться фастфудом, обмениваться короткими текстовыми сообщениями и жать на кнопку «Купить сейчас». «Великий парадокс нынешнего времени, — пишет антрополог Мэри Кэтрин Бейтсон, — заключается в том, что на фоне роста продолжительности человеческой жизни наши мысли стали заметно короче»². Воистину мы живем в век тирании сиюминутности.

Краткосрочное мышление — явление далеко не новое. История изобилует примерами: достаточно вспомнить безрассудное уничтожение Японией своих лесов в XVII в. или оголтелые спекуляции, которые в 1929 г. привели к краху Уолл-стрит. Само по себе краткосрочное мышление не является чем-то негативным. Точно так же, как родители бросают все дела, если нужно срочно доставить больного ребенка в больницу, правительства должны оперативно реагировать на землетрясения, эпидемии или иные кризисы. Но попробуйте взглянуть с точки зрения временных горизонтов мышления на ежедневные новости, и вы увидите, насколько пагубно влияние краткосрочного подхода³. Правительства по-быстрому упекают преступников за решетку, вместо того чтобы устранять социально-экономические причины преступности; субсидируют угольную промышленность, препятствуя переходу на возобновляемые источники энергии; спасают неплатежеспособные банки после краха вместо реструктуризации финансовой системы; инвестируют во что угодно, только не в профилактику заболеваний, проблемы

бедности или жилищное строительство. Этот список можно продолжать и продолжать.

Угрозы, которые несет в себе краткосрочный подход, простираются далеко за рамки государственной политики, и сейчас мы вплотную подошли к критической отметке. Это связано с растущими экзистенциальными рисками, под которыми понимаются маловероятные, но крайне разрушительные события, связанные с новейшими технологиями. Первое место в рейтинге таких рисков занимают угрозы со стороны систем искусственного интеллекта, например автономного оружия, почти не контролируемого людьми. К подобным рискам относятся и искусственно созданная пандемия, и ядерная война, спровоцированная государством-изгоем в эпоху нарастающей геополитической нестабильности. Специалист по рискам Ник Бостром, в частности, обеспокоен развитием молекулярных нанотехнологий и опасается сценария, при котором террористы завладеют самореплицирующимися наноботами размером с бактерию, не смогут их контролировать, и в результате атмосфера планеты станет непригодной для жизни. Перед лицом таких угроз многие эксперты по экзистенциальному риску сходятся во мнении, что с вероятностью примерно один к шести в течение этого века человечество ждет катастрофа с колоссальным числом жертв⁴.

Не менее реальны и другие риски, связанные с упадком цивилизации из-за разрушения экосистем, от которых зависит не только наше благополучие, но и сама жизнь. По мере того как мы бездумно выкачиваем из недр топливо, отравляем океаны и уничтожаем виды со скоростью, позволившей биологам говорить о начале «шестого вымирания»*, раз-

* Шестое, или голоценовое, вымирание — одно из наиболее значительных массовых вымираний видов животных и растений в истории Земли, происходящее в настоящее время в результате деятельности человека, прямого истребления, конкуренции с завезенными чужеродными видами и других антропогенных причин. — *Прим. пер.*

рушительные перспективы становятся все ближе. В нашу эпоху глобальных сетей эта угроза осознается уже в мировом масштабе: у нас нет плана Б, а точнее, планеты Б, на которую можно было бы сбежать. По словам историка экологии Джареда Даймонда, такое уничтожение природы лежало в основе цивилизационных коллапсов на протяжении всего существования человечества, а их первопричиной оказывался приоритет «краткосрочных решений» над «дальновидностью, требующей бесстрашия»⁵. Что ж, нас предостерегали.

Эти проблемы ставят нас перед неминуемым парадоксом: потребность в долгосрочном мышлении оказывается вопросом крайней необходимости, требующим немедленных действий. «Прямо сейчас мы сталкиваемся с техногенной катастрофой глобального масштаба — с изменением климата, ставшим для нас самой большой угрозой за тысячи лет, — сказал Дэвид Аттенборо мировым лидерам на Конференции ООН по климату в 2018 г. — Если мы не примем меры, крах наших цивилизаций и исчезновение большей части всего живого уже не за горами». По его словам, «то, что происходит сейчас и случится в ближайшие несколько лет, будет сказываться на протяжении тысячелетий»⁶.

Такие заявления должны срабатывать как сигнал тревоги, но этого не происходит, поскольку зачастую в них прямо не говорят, кому предстоит стать жертвами нашей недалекновидности. Правда заключается в том, что пожинать эти горькие плоды будут не только наши дети и внуки, но и миллиарды людей, которые родятся в ближайшие столетия. По численности они намного превосходят нас, живущих сегодня.

Настал момент признать тревожную истину: мы колонизировали будущее. И в первую очередь это касается жителей наиболее богатых стран. Мы относимся к будущему как к некоему отдаленному и безлюдному колониальному аванпосту, на который можно спокойно переложить дегра-

дацию окружающей среды, техногенные риски и проблему ядерных отходов. Когда в XVIII–XIX вв. Великобритания колонизировала Австралию, она опиралась на правовую доктрину, известную как *terra nullius* — «ничейная земля», — чтобы оправдать свое завоевание и обращаться с коренным населением так, словно его не существует или оно не имеет оснований претендовать на собственную территорию⁷. Сегодня наше общество занимает позицию *tempus nullius*: будущее воспринимается как «ничейное время», как некая никем не востребованная территория, лишенная жителей. Подобно окраинному царству империи, оно целиком принадлежит нам. Точно так же, как коренные австралийцы боролись и до сих пор борются с последствиями *terra nullius*, нашим потомкам предстоит борьба с последствиями этой доктрины.

Однако трагедия состоит в том, что грядущие поколения никак не могут повлиять на эту грабительскую колонизацию. Они не могут броситься, подобно суфражистке, под копыта королевской лошади, не могут заблокировать мост, как борцы за гражданские права в Алабаме, или устроить «соляной поход», чтобы бросить вызов угнетателям, как это сделал Махатма Ганди. У наших потомков нет политических прав и представительства в настоящем, они не могут повлиять на содержимое избирательных урн или рынок. Гигантское немое большинство еще не родившихся поколений абсолютно бессильно против настоящего и, по сути, вычеркнуто из нашего мыслительного процесса.

Чрезвычайная потребность в концепции долгосрочного мышления

Впрочем, это еще не конец человечества. Мы находимся в той точке истории, которая может стать поворотной: именно сейчас разнородные силы объединяются в глобальное движение

против тяжелой зависимости от настоящего, возвещающее новую эру долгосрочного мышления.

Сторонниками этого движения становятся дизайнеры городской среды, климатологи, врачи, руководители компаний технологического сектора и многие другие — все, кто уже начал осознавать, что причиной большинства сегодняшних кризисов, в числе которых угроза коллапса планетарной экосистемы, риски автоматизации, массовая глобальная миграция, увеличение имущественного неравенства, является узость краткосрочного подхода, и противоядием может быть только переход к долгосрочному мышлению. Бывший вице-президент США и лауреат Нобелевской премии мира Эл Гор утверждает, что «органы государственной власти подчинены корыстным интересам и одержимы краткосрочной выгодой, а вовсе не долгосрочной устойчивостью». Астрофизик Мартин Рис обеспокоен «слишком коротким планированием, слишком близкими горизонтами, слишком скудной осведомленностью о долгосрочных рисках» и предлагает поучиться разработке долгосрочной политики у Китая⁸. Бывший вице-президент Facebook Чамат Палихапития признает, что созданная социальными сетями «краткосрочная обратная связь, подпитываемая дофамином, разрушает функционирование общества», а главный экономист Банка Англии открыто критикует «нарастающую волну близорукости» на рынках капитала и в корпоративном поведении⁹. В то же время все отчетливее проявляется международный консенсус в отношении того, что жизнь людей будущего не должна отодвигаться на второй план в текущих этических дискуссиях и политических решениях. За последние 25 лет более 200 резолюций ООН так или иначе упоминали благополучие «будущих поколений», а папа Франциск провозгласил, что «межпоколенческая солидарность является не факультативным, а основополагающим вопросом справедливости»¹⁰.

Это растущее в обществе осознание важности долгосрочного мышления как цивилизационного приоритета беспре-

цедентно. Однако куда сильнее красивых слов впечатляет поток проектов и инициатив, направленных на то, чтобы превратить эти слова в реальность. Всемирное хранилище семян на Шпицбергене, построенное в скалах в отдаленной части Арктики, обеспечит сохранность миллионов семян более 6000 видов растений в течение как минимум тысячелетия. Появились новые должности и структуры, такие как комиссар по вопросам будущих поколений в Уэльсе и Министерство по делам кабинета министров и будущего в ОАЭ. Эти перемены происходят на фоне активности молодежи, такой как школьная экологическая инициатива Plant-for-the-Planet, запущенная в 2007 г. девятилетним немецким мальчиком Феликсом Финкбайнером, в рамках которой уже посажены десятки миллионов деревьев в 130 странах. В области искусства можно упомянуть композицию Longplayer музыканта Джема Файнера, которая начала звучать в полночь 31 декабря 1999 г. на лондонском маяке и будет звучать без повторов целое тысячелетие.

Похоже, долгосрочное мышление набирает обороты, но происходит это с большим трудом. Хотя его уже взяли на вооружение научные и творческие сообщества, а также некоторые наиболее дальновидные бизнесмены и политические деятели, оно все еще остается на периферии общественного внимания, причем это касается как Северной Америки с Европой, так и стран с развивающейся экономикой. Долгосрочному мышлению еще не удалось укорениться в структуре современного менталитета, который по-прежнему ограничен смирительной рубашкой краткосрочности.

Более того, поразительно неразвита сама концепция долгосрочного мышления. Мне довелось быть участником множества дискуссий, где оно предлагалось в качестве решения планетарных проблем, но при этом никто не мог толком объяснить, что же это такое. Если ввести фразу long-term thinking в строку запроса интернет-поисковика, то вы полу-

чите почти миллион ссылок, однако нигде не найдете четкой формулировки того, что она означает, как работает, какие временные горизонты подразумевает и какие шаги нужно предпринять, чтобы сделать долгосрочное мышление нормой. Хотя Эл Гор и другие общественные деятели отстаивают его достоинства, оно все еще остается абстрактной, бесформенной панацеей без внятных принципов и программы. Этот смысловой вакуум представляет собой не что иное, как свидетельство чрезвычайной потребности в концепции долгосрочного мышления¹¹.

Если мы действительно хотим стать хорошими предками, то первоочередная задача — заполнить эту зияющую пустоту. Данная книга является именно такой попыткой, предлагая шесть концептуальных и практических способов культивирования долгосрочного мышления. Вместе они создают необходимый интеллектуальный инструментарий для борьбы с нашей одержимостью текущим моментом.

Я сосредоточился именно на этих шести способах, поскольку глубоко убежден, что идеи имеют решающее значение. Я согласен с Гербертом Уэллсом — наверное, самым влиятельным из футурологов — в том, что «человеческая история — это, по сути, история идей». Именно доминирующие идеи формируют направление развития общества, определяют, что реально, а что нет, что возможно, а что невозможно. Конечно, такие факторы, как экономические структуры, политические системы и технологии, играют жизненно важную роль, но при этом не стоит недооценивать и силу идей. Вот лишь некоторые из идей, которые оказали на нас колоссальное влияние: то, что Земля является центром Вселенной; то, что в первую очередь нами движут корыстные интересы; то, что люди не являются частью природы; то, что мужчины превосходят женщин; то, что спасение — это Бог (капитализм, коммунизм). Не важно, как мы назовем эти идеи — мировоззрениями, ментальными структурами,

парадигмами или установками, — все они определяли ход развития цивилизаций¹². В нынешний исторический момент одной из господствующих идей является краткосрочное мышление, или вера в примат настоящего, и нам как можно скорее необходимо бросить ей вызов.

Музыкант и культуролог Брайан Ино осознал важность этого вопроса еще в 1970-х гг. и тогда же ввел понятие «долгое настоящее» (long now). Он обратил внимание на то, как много людей ограничиваются «кратким настоящим», в котором «настоящее» означает секунды, минуты или максимум несколько дней. Результатом этой культуры краткосрочности стало безразличие к будущим поколениям, которым пришлось столкнуться с массой новых угроз — от экологического коллапса до последствий гонки вооружений. «Наша эмпатия простирается во времени не слишком-то далеко вперед», — написал Ино. В качестве антидота он призывал расширить осознание настоящего на сотни и даже тысячи прошедших и будущих лет, что, в свою очередь, должно раздвинуть горизонты нашего нравственного зрения¹³. Эта книга предлагает основу для создания цивилизации «долгого настоящего» — цивилизации, которая преодолееет колониальный менталитет порабощения будущих поколений настоящим.

Вот уже более десятилетия мои исследования и статьи на тему эмпатии сосредоточены на том, как в современном мире люди из разных социальных слоев могут разделять чувства и взгляды (это явление называется когнитивной или перспективной эмпатией). Но еще дольше меня занимает другая, куда более серьезная проблема: как установить личную эмпатическую связь с будущими поколениями, с людьми, с которыми нам не суждено встретиться и чью жизнь мы едва ли можем себе представить? Другими словами, как научиться сопереживать не только в пространстве, но и во времени? Эта книга посвящена исследованию данного

вопроса. За три года работы над ней я пришел к выводу, что эмпатия — не единственный мост, который необходимо протянуть в будущее, чтобы усилить наше нравственное видение во времени. Не менее важную роль играют и другие, связанные между собой концепции, такие как межпоколенческая справедливость и отношение коренных народов к проблеме глобального управления. В результате получилась книга, представляющая собой междисциплинарное путешествие в диапазоне от этики и антропологии до новейших исследований в области нейробиологии, концептуального искусства и политологии. Проведенный анализ широкого спектра социальных, экономических и культурных аспектов по понятным причинам во многом ограничивается моим собственным социальным положением, поэтому местоимение «мы», встречающееся в тексте, в основном относится к экономически обеспеченным жителям западных промышленно развитых стран, известных также как глобальный Север.

Перетягивание каната времени

В XX в. национально-освободительную борьбу было принято вести с применением оружия. Межпоколенческая освободительная борьба XXI в. — это столкновение идей, принявшее форму титанического состязания за время. На одной стороне находятся шесть факторов краткосрочного мышления, которое ведет к краху цивилизации, на другой — шесть способов мыслить долгосрочно, открывающих путь культуре дальних временных горизонтов и ответственности за будущее человечества.

Шесть способов развития долгосрочного мышления, подробно рассмотренные в части II книги, представляют собой набор фундаментальных взглядов, убеждений и идеалов, которые, по сути, являются базовыми когнитивными навыками хорошего предка. Они делятся на три кластера.

Представление будущего основано на смирении перед глубоким временем и выработке трансцендентной цели для человечества. *Забота* о будущем требует философии наследия и чувства межпоколенческой справедливости. *Планирование* будущего за пределами нашей собственной жизни — это навык, вытекающий из соборного менталитета и холистического прогнозирования. Любой из этих кластеров, взятый отдельно, недостаточен для долгосрочного революционного преобразования человеческого разума. Но вместе — и при достижении критической массы практикующих их людей и организаций — их синергия способна открыть новую эру долгосрочного мышления.

Хотя факторы нашей недалёковидности, которые будут всплывать на протяжении всей книги, представляют серьёзную силу, это ещё не гарантирует им победы в перетягивании каната времени. Вопреки распространённому мнению долгосрочное мышление является одной из величайших способностей нашего вида, до сих пор остававшейся в тени. Мы думаем не только быстро и медленно, как это показал Дэниел Канеман, но также краткосрочно и долгосрочно. В наш мозг вшита способность думать и планировать далеко вперед. Эта способность сделала возможными многие грандиозные проекты: строительство лондонской канализации после Великого зловония 1858 г., программу государственных инвестиций «Новый курс» Франклина Рузвельта, самоотверженную борьбу против рабства и за права женщин и т. д. В дальнейшем мы убедимся, что именно этот секретный эволюционный ингредиент придает шести способам долгосрочного мышления потенциал и силу.

Каким образом переход к долгосрочному мышлению может вылиться в действия, меняющие контуры истории? Этот вопрос подробно рассмотрен в третьей части книги на примере историй первопроходцев — назовем их «повстанцами времени», — которые уже сейчас, вооружившись шестью

Перетягивание каната времени

Шесть факторов краткосрочного мышления

Шесть способов мыслить долгосрочно

Тирания часов

ускорение времени, начиная со Средневековья

Смирение перед глубинами времени

осознание того, что мы лишь краткий миг космической истории

Цифровое помешательство

захват внимания технологиями

Философия наследия

память благодарных потомков

Политический презентизм

близорукая концентрация на ближайших выборах

Межпоколенческая справедливость

принятие во внимание интересов семи будущих поколений

Спекулятивный капитализм

волатильные финансовые рынки

Соборный менталитет*

планирование проектов, превышающих срок человеческой жизни

Сетевая неопределенность

рост глобальных рисков и массовые психозы

Холистическое прогнозирование

комплексное исследование путей развития цивилизации

Постоянный прогресс

погоня за бесконечным экономическим ростом

Трансцендентная цель

стремление к всепланетному процветанию

Графика: Найджел Хоутин

* Выражение «соборный менталитет» (англ. cathedral thinking) в русской религиозной и философской традиции имеет значение, связанное с христианским мироощущением и культурной идентичностью. Здесь и далее автор понимает под этим термином особый менталитет, который был присущ строителям соборов, часто возводившихся на протяжении нескольких человеческих жизней и спланированных так, чтобы простоять много веков. — Прим. пер.

способами думать на перспективу, ведут борьбу с повсеместной близорукостью современного мира. Среди них волонтеры движения «Школьная забастовка за климат», возглавляемого юной шведкой Гретой Тунберг, члены таких организаций, как британская «Сопrotивление вымиранию» (Extinction Rebellion) и американская «Доверие наших детей» (Our Children's Trust), участники радикального движения за регенеративную экономику, сторонники гражданских собраний от Испании до Японии и многие другие.

Им противостоят грозные оппоненты, в том числе те, что пытаются использовать долгосрочное мышление в корыстных целях. Особенно ярко это проявляется в финансовом секторе. Как однажды с гордостью заявил бывший глава инвестиционного банка Goldman Sachs Гас Леви, «мы жадны, но жадны в долгосрочном, а не в краткосрочном плане»¹⁴. Более того, повстанцы времени уже столкнулись с суровой реальностью, обнаружив, что целый ряд фундаментальных принципов общественного устройства, от государств и представительной демократии до потребительской культуры и самого капитализма, больше не соответствуют эпохе, в которой мы живем. Казалось бы, эти концепции и институты были изобретены не так давно, несколько столетий назад, но по геологической временной шкале это было еще в голоцене — эпохе стабильного климата, длившейся около 12 000 лет, в течение которых человечество процветало, а планета могла в значительной степени справляться с экологическим эффектом материального прогресса, издержками и рисками новых технологий, а также напряжением, вызванным ростом населения. Но этот период позади: прямо сейчас мы переходим в антропоцен — новую эру, в которой человек создает нестабильную планетарную систему и угрозу экологической катастрофы¹⁵.

В некотором смысле это аналог проблемы QWERTY — раскладки наших неэффективных клавиатур, которая была

разработана еще в 1860-х гг. с тем, чтобы разнести подальше наиболее часто используемые клавиши пишущей машинки и таким образом снизить частоту их заедания. Точно так же сегодня у нас полно общественных институтов, которые были созданы для решения проблем другой эпохи. Неизбежно напрашивается вывод: если мы хотим создать мир, пригодный для нынешнего и будущих поколений, нам необходимо глубоко переосмыслить и перестроить ключевые аспекты общества — то, как функционируют экономика и политика, то, как устроены наши города, — и привести их в соответствие с новыми ценностями и целями, чтобы обеспечить долгосрочное процветание человечества. И времени на это у нас совсем немного.

Существует ли идеальный временной горизонт, к которому мы должны стремиться в этой битве с недалекновидностью? В качестве минимального порога долгосрочного мышления я предлагаю 100 лет: это соответствует потолку продолжительности человеческой жизни, позволяя выйти за рамки собственного «я», ограниченного смертью, и начать представлять будущее, на которое мы можем повлиять, но в котором нас уже не будет¹⁶. Столетие — это намного больше, чем принятые в корпорациях пяти- или десятилетние планы, и ближе по временному горизонту к таким мероприятиям, как посадка дуба, который вырастет уже после нашего ухода. Кроме того, можно опереться на опыт тех, кто обладает большей дальновидностью. У многих коренных народов горизонт важных решений составляет семь поколений, т. е. почти два столетия. Общественная некоммерческая организация Long Now Foundation в Калифорнии устанавливает еще более амбициозный временной горизонт — 10 000 лет — на том основании, что приблизительно столько лет назад, когда закончился последний ледниковый период, возникли первые цивилизации, а значит, будущее мы должны просматривать на такую же глубину¹⁷. В любом случае, не стоит

бояться заглядывать далеко вперед. Когда вы будете пробовать мыслить долгосрочно, сделайте глубокий вдох и подумайте о том, что будет лет через 100 и более.

Перспектива радикальной надежды

Можем ли мы действительно совершить такой тектонический сдвиг парадигмы, когда долгосрочное мышление будет не только определять наши индивидуальные решения, но и проникнет в саму ткань общественных институтов, экономических систем и культурной жизни? Литературный критик Терри Иглтон проводит различие между оптимизмом и надеждой¹⁸, предлагая рассматривать оптимизм как склонность видеть во всем светлую сторону, невзирая на факты. Такая позиция чревата самоуспокоенностью и пассивностью. Надежда же подразумевает более активную и даже радикальную позицию, допуская возможность неудачи, но концентрируясь при этом на успехе и глубокой приверженности результату, который по-настоящему ценен для нас.

Эта книга не об оптимизме, она о надежде. Существует реальная опасность того, что человечество так и не выйдет из тумана своей недалёковидности, пока не разразится глобальный катаклизм, и менять курс в попытке избежать судьбы Римской империи или цивилизации майя будет слишком поздно. Но крах не является чем-то неизбежным, особенно если для достижения радикальных перемен люди начинают действовать сообща. Главный урок, который дает нам история, заключается в следующем: ничто не является неизбежным, пока не случится. Конец колониализма и рабства определенно вселяет надежду. Источником надежды служит и преобразующий потенциал шести способов долгосрочного мышления, и вдохновляющие истории повстанцев времени, которые решились противостоять краткосрочности. Необ-

1. КАК НАМ СТАТЬ ХОРОШИМИ ПРЕДКАМИ?

ходимо признать, что будущие поколения вряд ли простят нам, если мы сдадимся сейчас, когда еще есть возможность изменить ход истории. Мы должны научиться прислушиваться к воображаемым голосам потомков, чтобы учитывать их интересы, принимая решения.

Путь хорошего предка для нас открыт. Следовать ему или нет — выбирать нам.